

*Белов Алексей Викторович,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИРИ РАН*

СУДЬБА ГОРОДА И ЕГО ДУХОВНЫХ СВЯТЫНЬ, ОКАЗАВШИХСЯ НА ПУТИ АРМИИ ВТОРЖЕНИЯ: МОЖАЙСК И ЛУЖИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В 1812 ГОДУ

Аннотация: Статья посвящена эпохе наполеоновских войн и посвящена Великой Отечественной войне 1812 года и судьбам города Можайска. В исследовании обсуждается его роль и состояние в военное время. Автор также уделяет внимание святыням и объектам поклонения, в том числе Лужецкому монастырю. В документе приводится подробная оценка действий захватчиков и защитников, а также данные о потерях и повреждениях культурного наследия.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1812 года, город Можайск, объекты культа, Лужецкий монастырь, потери и повреждения.

В эпоху отечественной войны 1812 г. на пути всей Великой армии Наполеона оказался небольшой провинциальный Можайск. Город сыграл роль в ходе подготовки и проведения Бородинского сражения. На его территории велись работы по комплектованию вновь пребывавших сил российской армии. Помимо этого шла большая тыловая работа: с 22 по 26 августа здесь функционировали военные госпитали, куда прибывали раненные из-под Бородина, устраивались армейские магазины, располагались различные воинские учреждения [7, с. 472]. Монахи «подгородного» Лужецкого монастыря пожертвовали две тысячи рублей «на пользу больных и раненных русских воинов», за что получили благодарность от М. И. Кутузова [3, с. 65], а также разрешение на «свободный и беспрепятственный пропуск» по всей стране с правом «где понадобится подводы все давать безоговорочно и словом – делать все вспоможение» [3, с. 139]. В условиях острой нехватки транспорта такое распоряжение было более чем важно.

После оставления Бородинского поля русская армия тремя колоннами подошла к Можайску. Достигнув города, армейские части обошли его с двух сторон. Жители, узнав об отступлении русских войск, практически в полном составе оставляли свои дома, бросая, по сути, все имущество.

По воспоминаниям современника, проходящие через город части в основном соблюдали порядок и дисциплину. Пойманного на мелком воровстве солдата (забрал в одном из оставленных жителями домов «разные пожитки»), «остановили и дали приказ расстрелять». Но решение это, по замечанию свидетеля происшествия, было сделано «более для острастки. И казнь не была совершена» [2, с. 207].

Будучи хоть и древним, но небольшим и не особенно богатым уездным центром, Можайск представлял собой типичный русский городок. К главным функциональным качествам его (помимо обслуживания культа святителя Николы Можайского и паломников) относилась роль рядового административного центра и регионального рынка. В период же нашествия оставленный

жителями Можайск занял ключевое место в системе тыла Наполеоновской армии. Уезжая из города 31 августа, император оставил здесь части 8-го армейского корпуса Ж. А. Жюно, в обязанности которых вменялся контроль ближайших и наиболее уязвимых тылов наступающей армии, а также обеспечение работы транспортных коммуникаций. Таким образом, Можайску отводилась важнейшая роль: он объявлялся главной базой «Великой» армии близ Москвы, занимая место на дороге к Смоленску и далее к Европе.

Кроме того, город превратился в крупнейший тыловой лазарет неприятельской армии. Как отмечал очевидец, в эти дни Можайск стремительно заполнился ранеными [11, с. 252], «... офицеры и солдаты – все направились туда в поисках медицинской помощи...» [4, с. 133-134]. Другой современник тех событий капитан Франсуа писал: «Мы находим здесь громадную массу раненых, как русских, так и французов» [11, с. 252].

Когда же русские войска погнали Наполеона из России и, преследуя его, вновь вернулись в Можайск, первое, что бросилось им в глаза – полное отсутствие местного населения, разорение буквально всего оставленного обывателями имущества [12] и колоссальное количество мертвых тел («уцелевшие дома полны трупов» [11, с. 505, 520]). Еще при оставлении города русской армией в нем оставалось значительное число тяжелораненых, подавляющая часть которых не выжила, и тела их были уничтожены или свалены на окрестных полях. «Великая» армия, покидая город, также бросала здесь смертельно раненных и инвалидов, а также оставила непогребенными сотни мертвых животных и людей. В итоге, с наступлением весны, сходом снега, разрывающими неглубокие могилы тальми водами, многие останки оказались на поверхности. Причем трупы в массовом порядке вновь обнаруживались непосредственно в городе: менее чем за 1 месяц (с 28 марта по 22 апреля) в Можайске подняли 598 человеческих и 253 лошадиных тел. Их находили в прудах, погребках, сугробах, на огородах между грядами. Обеспокоенный опасностью повторения эпидемии Главнокомандующий Москвы Ф. В. Ростопчин приказал 7 апреля закончить все работы к 1 мая, что и было сделано [1, с. 261].

Отступавшие из Можайская неприятельские солдаты сжигали все, в том числе и храмы. К моменту вступления Наполеона в городе было 9 приходских церквей: 4 каменных и 3 деревянных. Отступая, его солдаты поджигали город и полностью сожгли все 3 деревянные церкви. Каменные храмы (Никольский собор; Вознесенская, Троицкая и Иоакимовская церкви) также полностью выгорели изнутри [1, с. 254]. Сгорел «вся без остатку» храм Богоматери Ахтырской, была «сожжена неприятелем» Покровская в Ямской слободе и Успенская церкви [9, с. 328].

Большой ущерб был нанесен и главному, тогда еще недостроенному, Никольскому собору, в котором сгорели иконостасы, «даже висевшие в особом отделении колокола, по случаю не достройки колокольной на каменных столбах от пожара упали, повредились». Несмотря на масштабы бедствия, икона Святителя Николая Чудотворца осталась неповрежденной. Была спасена и драгоценная утварь, заблаговременно спрятанная в особой кладовой

[5, с. 10]. В сентябре 1813 г. жена участника войны 1812 г. капитана И. П. Цвилинева передала в собор 15 предметов, украденных из его ризницы неприятелем и отбитых впоследствии русскими солдатами [6, с. 9].

После освобождения власти пыталась наладить функционирование церквей. В рапорте от 27 февраля 1813 г. благочинного городских церквей и Николаевского собора протопопа Георгия сообщалось: «Мною освещены приделы в городе Можайске в Николаевском соборе во имя Скорбящей Божей матери, градских церквях – Иоанна Предтечи, Вознесенской – Святой мученицы Параскевы, Иоакимовской – Ахтырской Божей матери» [9, с. 333]. Но особую трудность в этом деле вызывало разорение духовенства. В огне погибли дома и хозяйства церковнослужителей. По сообщению пономаря Ахтырской церкви Алексеева находящиеся при храме «священно- и церковнослужителей дома неприятелем все без остатку сожжены». В пожаре погиб фруктовый сад, принадлежавший можайскому священнику Дионисию [9, с. 328]. Сокращение числа городских жителей, делало невозможным содержать прежний состав священно- и церковнослужителей.

Особое место в духовной жизни города занимал подгородный Лужицкий монастырь. Занявшие его солдаты 8-го армейского корпуса Жюно, оценили крепостные качества обители и использовали ее как опорный и хозяйственный пункт. Для обороны неприятельскими солдатами «в стенах и ограде» было пробито «до 220 амбразур», «в которых во всех поставлены пушки» [3, с. 137]. Некоторые из них были хорошо видны в конце XIX в. [3, с. 66], а иные и сегодня [5, с. 7].

Вернувшиеся в свою обитель монахи увидели, что «монастырь весь завален мертвым скотом, который при побеге французами был расстрелян» [3, с. 137]. Территория и здания оказались «приготовлены к разрушению»: в многочисленных местах отступавшие солдаты разложили мешки с порохом и подожгли соборный храм. Уничтожение не произошло только благодаря усилиям одного «из штатных сего монастыря» Ивана Матвеева. Ему удалось избежать неприятельского плена, и по удалению французов и их союзников из обители, успеть туда до взрыва и, рискуя, оттащить мешки подальше от огня [3, с. 67].

Запалив главный Рождественский храм начала XVI в., оккупанты не смогли уничтожить каменный собор, но в огне погибли иконостас и бывшие в нем предметы, росписи на стенах и одной из глав. Буквально чудесным образом не пострадали бывшая в алтаре запрестольная икона Богоматери и запрестольный деревянный крест с резным распятием [3, с. 67].

Всего в обители находился постоянный гарнизон из предположительно четыре тысячи человек. Во Введенской церкви интервенты устроили казарму. Здесь же мелилась рожь, а в нижний этаж, кельи братии и настоятеля использовались как конюшня. Лошадей поместили также и на конный двор. Храм Ферапонта был превращен в столярную и в изобилии был забит стружкой. Оставшиеся в монастыре часть ризницы, библиотеки, подсвечники разграбили, разбили и изорвали [3, с. 66-67]. Надгробный образ Ферапонта снесли, раку, балдахин, иконостас и святые образа оказались все целы, но престол

и жертвенник пропали. Уцелел иконостас в церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, но неприятельские солдаты по-видимому ради развлечения во множестве вбили в образа железные гвоздей [3, с. 137]. Стулья и мебель все были переломаны или разграблены. Вся посуда (медная, оловянная, каменная) унесена [3, с. 140].

Монастырский архив «дела писменные» наполеоновские солдаты использовали в качестве туалетной бумаги: «все по нужникам и в навозе валяются», – писал в своем докладе монастырский казначей Иоасаф. Монастырская библиотека («книгохранительница») была «разбита и вся в беспорядке изорвана». Некоторые из томов находили среди людского кала («даже и в навозе находили») [3, с.]0140.

Радость отшельникам доставило то, что в монастыре уцелела колокольня с колоколами («все целы и не повреждена») [3, с. 140].

В 1813 г. на восстановление обители государство («от казны») выделило 10 тыс. руб. ассигнациями [3, с. 67].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдина Е. Г. Западные уезды Московской губернии после освобождения (ноябрь 1812 – март 1813 года) // «Сей день пребудет вечным памятником». Бородино 1812-2012. Материалы Международной научной конференции, 3-7 сентября 2012 г. / Сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2013.
2. Вяземский П. А. Воспоминания о 1812 годе // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. VII. 1855-1877 гг. СПб., 1882. С. 207.
3. Дионисий (Виноградов Д. П.), архимандрит. Краткая летопись Лужецкого второклассного монастыря с 1708 по 1892 год. М., 1892.
4. Коленкур А. де Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991.
5. Куценко Е. В., Рязанов А. М., Ушаков В. К. 1812 год в Подмосковье – Альбом. М., 2002.
6. Куценко Е. В., Рязанов А. М., Ушаков В. К. Отечественная война 1812 года в Подмосковье. – Альбом. М., 2011.
7. Малышкин С. А. Можайск // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 472.
8. Кутузов М.И. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1 (июль – октябрь 1812 г.). М., 1954.
9. Прохоров М. Ф. Можайск после Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIII Всероссийской научной конференции. Бородино, 5-7 сентября 2005 г. Бородино, 2005.
10. Федоров В.Н. Можайск в Отечественную войну 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года». 1995-1997. Бородино, 1997.
11. Французы в России: 1812 год в воспоминаниях современников-иностранцев [сборник]: в 3 ч. Ч. 1-2. М., 2012.
12. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 1-286.

THE FATE OF THE CITY AND ITS SPIRITUAL SANCTUARIES IN THE PATH OF THE INVASION ARMY: MOZHAYSK AND THE LUSATIAN MONASTERY IN 1812

Belov A.V.

PhD, the Russian History Department

Russian Academy of Sciences (RAS)

Abstract: The paper addresses the era of Napoleon's wars and focuses on the Great Patriotic war of 1812 and the fates of the city of Mozhajsk. The study discusses its role and state during the wartime. The author also pays attention to the sanctuaries and objects of worship, including Luzhitsky monastery. The paper provides detailed assessment of invaders and defenders's actions as well as the data on losses and damages of cultural heritage.

Keywords: Great Patriotic war of 1812, city of Mozhajsk, objects of worship, Luzhitsky monastery, losses and damages.

At the time of the Patriotic War of 1812, a small provincial town named Mozhaysk found itself on the path of Napoleon's Grand Army. The city had played an important role in the preparing and fighting of the Borodino battle. On its territory, the recruitment of the newly arriving Russian army was carried out. In addition, there was a lot of logistics work. Military hospitals operated here between August 22 and 26, with wounded from near Borodin arriving, army stores were arranged, and various military establishments were located [7, p.472]. The monks of the "suburban" Lusatian monastery donated two thousand rubles "for the good of the sick and wounded Russian soldiers", for what they were thanked by M.I. Kutuzov [3, p. 65], and also a permit for "free and unhindered passage" throughout the country, with the right to "where required a lift provide unconditionally and in word - do all aids" [3, p. 139]. In circumstances of an acute shortage of transport, this order was more than crucial.

Following the abandonment of the Borodino field, the Russian army approached Mozhaysk in three columns. Upon reaching the town, the army units bypassed it from two sides. Citizens, having found out about the retreat of Russian troops, almost entirely left their homes, basically giving up all their belongings. According to the recollections of a contemporary, the units passing through the town were largely orderly and disciplined. The soldier was caught stealing (he took "various belongings" from one of the houses left by the civilians), was "stopped and given an order to be shot". But this decision, according to a witness to the incident, was made "more as a show-off. And the execution was not carried out" [2, p. 207].

Although ancient, small, and not particularly wealthy county center, Mozhaysk was a typical Russian town. Its major functional features (in addition to serving the cult of St. Nicholas of Mozhaysk and pilgrims) involved the role of an ordinary administrative center and a regional market. During the invasion, Mozhaysk, abandoned by its inhabitants, took a key spot in the system of the rear of Napoleon's army. Leaving the city on August 31, the Emperor left here the units of the 8th Army Corps of J. A. Junot, which was responsible for the control of the

nearest and most vulnerable rear of the advancing army, as well as for ensuring the operation of transport communications. Thus, Mozhaysk was assigned the most important role: it was declared the main base of the "Great" army near Moscow, occupying a place on the road to Smolensk and further to Europe.

Furthermore, the city became the largest rear infirmary of the enemy army. As noted by an eyewitness, in those days Mozhaysk was rapidly filled with wounded [11, p. 252] ... officers and soldiers, everyone went there in search of medical care ...". [4, p. 133-134]. Another contemporary of those events Captain Francois wrote: "We see here a huge mass of wounded, both Russian and French" [11, p. 252].

However, when the Russian troops drove Napoleon out of Russia and returned to Mozhaysk in pursuit of him, the first thing that caught their eye was the total absence of the local population, the devastation of literally all the property left by the inhabitants [12] and the enormous number of dead bodies ("the surviving houses are full of corpses" [11, p. 505, 520]). Even when the Russian army abandoned the city, a significant number of seriously wounded were still there, the vast majority of whom did not survive, and their bodies were destroyed or dumped in the surrounding fields. The "Great" army, leaving the city, also abandoned the mortally wounded and disabled here, as well as leaving hundreds of dead animals and people unburied. As a result, with the onset of spring, snowfall, and meltwater ripping into shallow graves, many machines were on the surface. And corpses were massively re-discovered in the city itself. In less than a month (from March 28 to April 22) 598 human and 253 horse bodies were found in Mozhaysk. They were unearthed in ponds, cellars, snowdrifts, and in gardens between ridges. The Commander-in-Chief of Moscow F.Rostopchin, concerned about the danger of recurrence of the epidemic, gave an order on 7 April to finish all the works by 1 May, whereupon was done [1, p. 261].

The enemy soldiers retreating from Mozhaysk burned everything, including churches. By the time Napoleon entered the city, there were 9 parish churches, 4 stone and 3 wooden. During the retreat, the soldiers, setting the city on fire, completely burned all 3 wooden churches. Stone churches (Nikolsky cathedral; Ascension, Trinity, and Joachimov churches) were also completely burnt from inside [1, p. 254]. The church of Our Lady of Akhtyr was burned down "without a trace", the Church of the Intercession in Yamskaya Sloboda, and the Church of the Assumption were "burnt down by the enemy" [9, p. 328].

Considerable damage was also inflicted to the main, then under-construction St. Nicholas Cathedral in which the iconostasis was burned, "even the bells which were hanging in the special compartment, because of the failure to complete the belfry on stone columns fell from the fire and were damaged". Despite the scale of the disaster, the icon of St. Nicholas the Wonderworker remained intact. The precious utensils, hidden in a special pantry in advance, were also spared [5, p. 10]. In September 1813 the wife of Captain I.P. Tsvilinev, a participant in the War of 1812, handed over to the cathedral 15 items stolen from the sacristy by the enemy and subsequently taken away by Russian soldiers [6, p. 9].

After the liberation, the authorities tried to establish the functioning of the churches. In the report from February 27, 1813, the dean of city churches and Nikolaevsky cathedral Protopop Georgiy informed: " I have consecrated aisles in the city of Mozhaysk in Nikolaevsky cathedral in the name of the Mourning mother of God, town churches - John Baptist, Ascension - Saint martyr Paraskeva, Joachimovskaya - Achtyrskaya mother of God " [9, p. 333]. However, the devastation of the clergy caused a special difficulty in this case. Houses and households of church officials perished in the fire. According to the report of the sexton of Akhtyrskaya church Alekseev, the houses of clergy and churchmen under the church "were all burned down by the enemy without a trace". The fire destroyed an orchard belonging to the priest Dionysius of Mozhaysk [9, p. 328]. The shrinking number of city dwellers made it impossible to maintain the former number of priests and clergy.

A particular role in the spiritual life of the city was held by the suburban Lusatian monastery. The soldiers of the 8th Army Corps of Junot, who occupied it, appreciated the fortress qualities of the monastery and exploited it as a stronghold and economic center. For defense by enemy soldiers "in walls and a fence" it has been broken through "to 220 embrasures", "in which in all guns have been put" [3, p. 137]. Some of them were seen at the end of the 19th century. [3, p. 66], and some of them are still there today [5, p. 7].

The monks who returned to their monastery saw that "the monastery was covered with dead cattle, which had been shot by the French during their escape" [3, p. 137]. The territory and buildings were "prepared for destruction": in numerous places, the retreating soldiers spread bags of gunpowder and set fire to the cathedral church. The destruction did not occur only due to the efforts of one "of the staff of this monastery" Ivan Matveev. He managed to avoid enemy captivity, and on the departure of the French and their allies from the monastery, managed to get there before the explosion and, risking, to drag the sacks away from the fire [3, p. 67].

When the main Nativity Church of the early 16th century was set on fire, the invaders could not destroy the stone cathedral, but the iconostasis and items that were in it, paintings on the walls, and one of the chapels were destroyed in the fire. Literally, miraculously the icon of Our Lady on the altar and the wooden cross with a carved crucifix that was in the altar did not suffer [3, p. 67].

Altogether in the monastery was a permanent garrison of presumably four thousand people. In the Vvedenskaya church, the interventionists set up a barracks. The rye was also milled here, and the lower floor, the cells of the brethren and the abbot were used as stables. Horses were also placed in the equestrian yard. Ferapont's temple was converted into a carpentry room and was abundantly stocked with shavings. The part of sacristy, library, candlesticks left in a monastery was plundered, smashed, and vandalized [3, p. 66-67]. Tomb image of Ferapont has been taken down, refectory, canopy, iconostasis, and sacred images have appeared all intact, but the altar and sacristan have disappeared. Iconostasis in the church of Entrance in the Temple of Holy Virgin has survived, but enemy soldiers apparently for the sake of entertainment have hammered into images with iron nails in plenty

[3, p. 137]. Chairs and furniture were all broken or looted. All utensils (copper, pewter, stone) were taken away [3, p. 140].

Napoleon's soldiers used the monastery's archives as toilet paper, "all in the latrines and the dung," the monastery treasurer Joasaph wrote in his report. The monastery library was "broken and all in disarray". Some of the volumes were found among human feces ("even found in the dung") [3, p. 140]

The hermits were happy that the monastery bell tower remained unharmed ("all intact and not damaged") [3, p. 140].

In 1813 the state ("from the treasury") allocated 10 thousand rubles in assignments for the restoration of the monastery [3, p. 67].

REFERENCES

1. Boldina E. G. Western uyezds of the Moscow province after liberation (November 1812-March 1813) // "This day will remain an eternal monument". Borodino 1812-2012. Materials of the International Scientific Conference, September 3-7, 2012 / Comp. A.V. Gorbunov. Mozhaisk, 2013.
2. Vyazemsky P. A. Memories of 1812 // Vyazemsky P. A. The complete collection of works. Vol. VII. 1855-1877. St. Petersburg., 1882. p. 207.
3. Dionysius (Vinogradov D. P.), Archimandrite. A brief chronicle of the Luzhetsky second-class monastery from 1708 to 1892. Moscow, 1892.
4. Caulaincourt A. de Napoleon's campaign in Russia. Smolensk, 1991.
5. Kutsenko E. V., Ryazanov A.M., Ushakov V. K. 1812 in the Moscow region-Album. Moscow., 2002.
6. Kutsenko E. V., Ryazanov A.M., Ushakov V. K. The Patriotic War of 1812 in the Moscow region. - Album.: M., 2011.
7. Malyshkin S. A. Mozhaysk // The Patriotic War of 1812. Encyclopedia. M., 2004. p. 472.
8. Kutuzov M. I. Collection of documents. Vol. IV. Part 1 (July – October 1812). M., 1954.
9. Prokhorov M. F. Mozhaysk after the Patriotic War of 1812 // The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems. Materials of the XIII All-Russian Scientific Conference. Borodino, September 5-7, 2005, Borodino, 2005.
10. Fedorov V. N. Mozhaysk in the Patriotic War of 1812 // The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems. Materials of the scientific conference "The Patriotic War of 1812". 1995-1997. Borodino, 1997.
11. The French in Russia: 1812 in the memoirs of foreign contemporaries [collection]: in 3 parts 1-2. M., 2012.
12. The Central State Archive of Moscow (CGA of Moscow). F. 20. Op. 2. d. 1540. l. 1-286.